

ди искровцев после II съезда партии тяжело переживал не только В. И. Ленин, но и Г. В. Плеханов. Не гладко складывались отношения Г. В. Плеханова со своими старыми друзьями — В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом, а также и с Л. Д. Троцким. В новой «Искре», «отрыгающей оппортунизм», появились статьи Троцкого. Г. В. Плеханов резко отрицательно отзывался о литературной манере Троцкого, замечая, что печатать статьи этого автора «значит срамить «Искру», «портить ее литературную физиономию»¹⁷³. Георгий Валентинович пригрозил редакторам, что если впредь будут печатать статьи Троцкого, он выйдет из редакции «Искры». Мартов пытался взять под защиту Троцкого и был не против «отставки» Плеханова.

В. И. Ленин точно отметил: «Пока Плеханов не высвободится от наследия новой «Искры», он будет путать и фальшивить»¹⁷⁴. В условиях принципиальных разногласий с меньшевиками В. И. Ленин с горечью и сожалением писал о Г. В. Плеханове: «Жаль старика, сердится зря, а хорошая башка...»¹⁷⁵.

Считая себя непогрешимым, (а непогрешимым, как любил повторять сам Плеханов, является только Папа римский), Георгий Валентинович не предполагал, что эта последняя акция далеко заведет его в сторону оппортунизма. Главная причина его колебаний в неумении до конца понять особенности и традиции освободительного движения в России; в слепом копировании традиций и опыта западно-европейских социал-демократических партий. В то же время нельзя обойти серьезные «негативы» в поведении и характере этого энциклопедически образованного российского интеллигента. У Г. В. Плеханова иногда проявлялась мелочность, злопамятство, сарказм и подозрительность.

Любопытную характеристику Г. В. Плеханову дал старый революционер П. Н. Лепешинский: «Еще задолго до войны, — быть может, начиная с 1903—1904 года, он стал уже выдыхаться как теоретический вождь русского пролетариата. Его огромному уму не хватало живых впечатлений от той российской действительности, которая выявлялась в процессе быстрого роста в России капитализма в 90-х и последующих годах со всеми последствиями этого обстоятельства. Когда же жизнь бесконечно осложнилась и для правильно функционирующей диалектической мысли пролетарского вождя данной

страны живые, непосредственные впечатления от этой сложной жизни были столь же необходимы, как пища для организма. Плеханов как раз оказался слаб в этом отношении. И это, конечно, не его вина, а его беда, — великий трагизм его жизни»¹⁷⁶.

В феврале 1904 г. началась русско-японская война. В ее оценке Г. В. Плеханов занял интернационалистическую позицию. Выступая на митинге в Париже 27 февраля 1904 г. и в печати, он пророчески заявил, что царизм выйдет из войны очень ослабленным, и престиж его сильно упадет как внутри страны, так и за ее пределами. «И это будет чистым выигрышем для русского народа»¹⁷⁷.

На Амстердамском конгрессе II Интернационала (1904) Г. В. Плеханов и японский социалист Сен-Катаяма были избраны заместителями председателя конгресса. Они на деле проявили взаимопонимание в том, что русско-японскую войну развязали не народы, а их правительства.

После долгих мытарств и преследований, швейцарские власти с 1 июля 1904 г. разрешили Г. В. Плеханову, через 24 года пребывания за границей, получить документ о постоянном проживании в Швейцарии.

VI. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И Г. В. ПЛЕХАНОВ

НОВОЙ, ГЛОБАЛЬНОЙ по своим последствиям, критической революционной точкой, повлиявшей на политические и теоретические взгляды Г. В. Плеханова, явилась развернувшаяся в январе 1905 г. буржуазно-демократическая революция, которая привела в движение все слои российского общества. Она оказала огромное воздействие на политические силы и движения в европейских и азиатских странах.

Позиция царизма и черносотенских партий в первой народной революции была очевидной: сделать все возможное, чтобы задушить революцию и спасти монархию, использовать при этом не только винтовки, но и обещания, сбить с толку революционный народ, дезориентировать и деморализовать его.

Партии крупной финансово-промышленной и либеральной буржуазии стояли за ограничение монархии,

за спасение ее при помощи парламента — Государственной Думы. Они добивались «возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее — революционному народу, пролетариату и крестьянству»¹⁷⁸.

Революционный народ и, прежде всего, российский пролетариат имел главную цель — покончить с самодержавием, обеспечить победу демократической республики, полностью ликвидировать пережитки крепостничества в городе и деревне, дать простор свободному капиталистическому предпринимательству. Как отмечал В. И. Ленин, «...это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии»¹⁷⁹.

В социал-демократическом движении России, как показал весь ход первой революции, ясно обозначились и переплетались две тенденции: революционная и реформистская. Вопросы соотношения революционного и реформистского подхода стали предметом жесточайших споров большевиков с меньшевиками как раз в период этой революции. Это нашло отражение в теоретической и политической деятельности Г. В. Плеханова¹⁸⁰.

Как показали события, многие вопросы первой русской революции Г. В. Плеханов рассматривал с позиций западноевропейской социал-демократии, пытаясь механически перенести их в условия российского освободительного движения, сделав главную ставку на союз рабочего класса с либеральной буржуазией. Иногда он отказывался от своих прежних революционных меньшевистских взглядов.

В марте 1905 г. в Женеве Г. В. Плеханов начал издавать на свои деньги «Дневник социал-демократа». В этом же году появился первый том сочинений Плеханова.

В условиях начавшейся революции следовало немедленно провести съезд представителей социал-демократии, как «съезд объявления войны царизму». Меньшевики отказались от этой идеи. Г. В. Плеханов также не принял приглашения большевиков. В начале он дал по-

нять, что не прочь сблизиться, но потом заявил, что большевики «проповедуют ревизию марксизма», защищая «мильеранизм»; отождествил возможность участия российских социал-демократов во временном революционном правительстве, если победит первая русская революция, с так называемым «казусом Мильерана»¹⁸¹.

Однако он участвовал в конференции меньшевиков в Женеве (май 1905 г.), но вскоре ее покинул в знак протеста того, что «меньшевики согласились признать «совет партии» распущенным и отказались претендовать на то, чтобы «Искра» называлась центральным органом партии»¹⁸². После завершения Женевской конференции меньшевиков Г. В. Плеханов вышел из редакции новой «Искры», а также из членов Совета партии, фактически перестал быть председателем РСДРП во II Интернационале¹⁸³.

Революционные социал-демократы неоднократно пытались преодолеть разногласия с Георгием Валентиновичем. В. И. Ленин выяснял мнение членов ЦК РСДРП, избранных на III съезде партии, о возможности введения Г. В. Плеханова в редакцию газеты «Новая жизнь». 27 октября 1905 г. он писал: «Я сделаю еще попытку сблизиться с ним, хотя надежды не очень много»¹⁸⁴.

В период возросшего революционного накала в стране, 17 октября 1905 г., царь издал манифест, в котором обещал народу гражданские свободы и законодательную Государственную Думу. Это усилило стремление российских политэмигрантов вернуться в Россию. В революционную страну выезжали Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, А. Н. Потресов, П. Б. Аксельрод, В. И. Ленин, Л. Г. Дейч и другие видные социал-демократы. Готовился к поездке на родину и Г. В. Плеханов, но осенью 1905 г. он снова сильно заболел. Ему угрожала горловая чахотка. Для лечения пришлось срочно поселиться в Мontre и оттуда ездить на процедуры в Лозанну.

В конце октября В. И. Ленин обратился к Г. В. Плеханову с проникновенным и уважительным письмом, «...мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами... Я знаю, — продолжал Владимир Ильич, — что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами...» В письме отмечено, что у большевиков имеется «готовность объединиться», что партия нуждается в Г. В. Плеханове, в его «руководя-

шем, близком, непосредственном участии»... И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия... Ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату»¹⁸⁵.

Пока не установлено, ответил ли Г. В. Плеханов В. И. Ленину на это письмо, но в «Дневнике социал-демократа» (1905, № 3), он обвинил В. И. Ленина в контактах с «эмпириомонистами» и «декадентами» Богдановым, Базаровым, Луначарским, сотрудниками «Новой жизни», отказавшись работать в этой газете¹⁸⁶.

Г. В. Плеханов продолжал рваться в Россию. «Поедем, немоготу мне здесь, — писал он 4 декабря 1905 г. жене. — Меня тянет в Россию. Я теперь точно дезертир, и все мне противно, я даже работать почти не могу; а это редко бывает со мною. Поедем, а то я с ума сойду. Мое место теперь в России... Не за тем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет борьба»¹⁸⁷.

В ходе русской революции острейшим стал вопрос об отношении социал-демократов к вооруженному восстанию. III съезд РСДРП нацеливал пролетариат России на вооруженную борьбу с самодержавием. Большевики на Женевской конференции по этому вопросу заняли неопределенную позицию.

Г. В. Плеханов еще до III съезда РСДРП и Женевской конференции меньшевиков, в феврале 1905 г. в статье «Врозь идти — вместе быть» также призывал к вооруженному восстанию. «Враги царизма, — писал он, — вооружайтесь!»¹⁸⁸. Восстание против самодержавия будет победоносным, если оно будет восстанием народных масс; оно должно быть поддержано «обществом». Поднимать народ на вооруженное восстание надо тогда, когда царское правительство в центре и на местах будет дезорганизовано, когда на сторону революционного движения перейдет армия. Трезво оценивая обстановку в России, Г. В. Плеханов приводил такие доводы: «...вся армия в ее целом не пойдет против правительства. Но я знаю также, что во всех частях армии найдется много и много честных людей, которые не захотят, по выражению Рылеева, в роковое время «позорить гражданина»». «Солдаты и матросы теперь уже не то, что были

прежде. В них уже проснулось сознание своего человеческого достоинства»¹⁸⁹.

В период подъема первой революции Г. В. Плеханов, как и В. И. Ленин, к вооруженному восстанию предлагал готовиться основательно и серьезно как к искусству. Встретившись с руководителями восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический», Г. В. Плеханов рекомендовал революционным морякам взаимодействовать «с революционной народной массой. Это — необходимое условие победы»¹⁹⁰.

Однако в самый канун декабрьского вооруженного восстания он писал петербургским меньшевикам, что время восстания не подошло. «Если мы теперь проиграем битву, реакция вздохнет свободно. Это кажется мне очевидным... Выгодно ли нам это? Я думаю, что нет. Нам выгодно, наоборот, отсрочить решительное столкновение».

После поражения восстания в Москве и других промышленных центрах России Г. В. Плеханов заявил: «В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие»¹⁹¹. Ему вторил лидер партии либеральной буржуазии П. Н. Милюков: «Московское восстание, легкомысленно затеянное и заранее проигранное, положило между нами (с.-демократами и кадетами — Ф. К.) непроходимую грань»¹⁹². И в то же время П. Н. Милюков осуждал царское правительство, расстрелявшее восставших в Москве.

Такой поворот Г. В. Плеханова совершенно справедливо оценил советский историк С. В. Тютюкин, указав, что Г. В. Плеханов «прошел путь от горячего сторонника вооруженной борьбы, хорошо понимавшего значение всесторонней подготовки к восстанию... до заурядного доктринера, напуганного неудачей первого серьезного боя рабочих дружин с царскими войсками»¹⁹³.

В. И. Ленин и большевики неоднократно критиковали меньшевистских лидеров и плехановскую формулу «не надо было браться за оружие». «Напротив, — отмечал В. И. Ленин, — громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войс-

ком. Последнее обстоятельство признал и такой беспристрастный, не увлекательный и осторожный свидетель, как Каутский»¹⁹⁴.

По организационным вопросам III съезд РСДРП принял резолюции, способствующие сплочению социал-демократических комитетов. Поддержал съезд требования крестьян о конфискации помещичьих земель, сделав таким образом шаг вперед в разрешении аграрного вопроса в будущем.

Решения III съезда РСДРП социал-демократы России восприняли как руководство к действию против царизма. Даже видный лидер кадетов П. Н. Милюков, сравнив резолюции Лондонского съезда РСДРП с Женевской конференцией меньшевиков, отметил правоту ленинской позиции в первой русской революции, что эта позиция гораздо сильнее действовала на массы «нежели извилистые, полные благоразумных оговорок формулы резолюций, которые собравшиеся в Женеве меньшевики противопоставили решениям лондонского третьего съезда»¹⁹⁵.

После III съезда партии возник еще один конфликт. Стремясь сохранить за собой представительство от РСДРП в Международном социалистическом бюро, Г. В. Плеханов сообщил его руководителям, что разногласий в социал-демократической партии России нет и он будет представлять РСДРП на Амстердамском конгрессе II Интернационала.

В. И. Ленин в письме руководителям МСБ летом 1905 г. сообщил, что Г. В. Плеханову не следует переводить деньги, т. к. «товарищ Плеханов не является больше представителем нашей партии и что во всех обстоятельствах, касающихся нашей партии, нужно обращаться исключительно в адрес Центрального Комитета нашей партии»¹⁹⁶.

Поступая принципиально, В. И. Ленин в письме членам ЦК, избранным на III съезде РСДРП, отмечал, что Г. В. Плеханова можно было бы считать представителем партии в МСБ, если он признает III съезд «и обязательность для себя его решений»¹⁹⁷. Г. В. Плеханов же, как писал В. И. Ленин в конце ноября 1905 г. «явно озлобился на нас за разоблачение перед Международным бюро. Ругается, как извозчик, в № 2 «Дневника социал-демократа...»¹⁹⁸.

В очередном письме Центральному Комитету РСДРП

В. И. Ленин, узнав, что Г. В. Плеханова просят быть представителем в МСБ от меньшевиков, предложил: «Пусть в Международном бюро будет двое: от большинства один и от меньшинства один... Это превосходный прецедент для будущего объединения»¹⁹⁹.

В начале 1906 г. наступило некоторое улучшение состояния здоровья у Георгия Валентиновича. Он снова думает о поездке в Россию. Но, получив известие об аресте в России близкого товарища по революционной деятельности Л. Г. Дейча, а также информацию от Веры Ивановны Засулич о срочном переходе ряда товарищей на нелегальное положение в России, Г. В. Плеханов не отважился перейти границу нелегально. К тому же он еще полностью не оправился от тяжелого недуга.

Верный своему жизненному кредо Г. В. Плеханов не прекращал теоретической деятельности. Продолжая лечение в Генуе, в течение двух месяцев пребывания в местечке Больяско он написал новую серию статей для «Дневника социал-демократа».

Известно, что после поражения декабрьских вооруженных восстаний горячего материала для продолжения революции в России в 1906 г. было вполне достаточно: имели место серьезные колебания среди солдат и матросов, не прекратил своей борьбы против царизма рабочий класс, оппозиционно к самодержавию были настроены буржуазные и мелкобуржуазные партии, продолжались волнения на окраинах России, усиливалось крестьянское движение²⁰⁰. Казалось бы, социал-демократам следовало забыть о внутрипартийных распрях и, действуя едино, продолжать дело первой революции.

К сожалению, этого не произошло. Большевики и меньшевики по-разному трактовали вопросы о руководящих силах революции, об отношении к крестьянскому движению, к буржуазным и мелкобуржуазным партиям.

В 80-х годах Г. В. Плеханов пропагандировал идею гегемонии пролетариата в революции. В книге «Наши разногласия» (1884) он подчеркивал: «Читатель сам может убедиться в этом, перечитав сделанную выше выписку... тем не менее идея эта была именно идеей гегемонии пролетариата в нашем революционном движении»²⁰¹. Говорил он об этом на Парижском конгрессе II Интернационала (1889) и в ряде других работ.

Ратовал он и за союз рабочих и крестьян России в борьбе против остатков старины. «Значит ли это, что

мы игнорируем крестьянство? Нисколько. Это значит, напротив, что мы ищем более действенных способов для воздействия на него». И далее: «Наша программа не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих...»²⁰².

Да, и В. И. Ленин хорошо знал, что Г. В. Плеханов неоднократно в самых решительных выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России. Кстати, в библиотеке Георгия Валентиновича были широко представлены труды по аграрно-крестьянскому вопросу. В 80-е годы он поддерживал идею национализации земли, но к моменту выработки проекта программы РСДРП в редакции «Искры» отказался поддержать В. И. Ленина по этому вопросу, считая, что требование национализации земли преждевременно, что если встанет вопрос о подготовке социалистической революции, то речь пойдет не только о национализации земли, но и всех без исключения средств производства. Такую позицию Г. В. Плеханов занимал под влиянием книги К. Каутского «Аграрный вопрос», изданной в 1889 г.

Ход первой революции в стране показал, что крестьяне не останавливаются на возвращении «отрезков», ставят вопрос о конфискации всех помещичьих земель. Большевики и меньшевики признали устаревшим положение II съезда партии о возвращении крестьянам «отрезков» и сошлись на том, что следует поддержать движение крестьян, как говорили меньшевики, «об отчуждении» всех помещичьих земель.

Свою позицию по аграрно-крестьянскому вопросу в декабре 1905 г. Г. В. Плеханов определил так: «Экспроприация крупных землевладельцев и созыв Учредительного собрания — вот моя аграрная программа»²⁰³. Удивительно, что вскоре у него появились новые взгляды по этому вопросу. Он заявил, что рабочий и крестьянин — антиподы; рабочий — передовой борец, новатор, а крестьянин, «мужичок» — консерватор или даже реакционер; что крестьяне не пошли и не пойдут против царя²⁰⁴. В этом он видел одну из причин слабости первой российской революции. Данное заявление Г. В. Плеханова не соответствовало конкретно-историческим условиям российского освободительного движения.

Г. В. Плеханов поставил под сомнение возможность прочного союза рабочего класса с крестьянством в ре-

волюции. «При политической неразвитости нашего крестьянства, гегемония пролетариата, как ее «конкретизировал Ленин, — заявил Плеханов, — в действительности сводилась к изолированию рабочего класса в борьбе за политические условия дальнейшего развития капиталистического общества»²⁰⁵.

Не оценив должным образом важность дела формирования союза рабочих и крестьян в годы первой русской революции, радикальное решение аграрно-крестьянского вопроса Г. В. Плеханов возлагал на мировую революцию. Он как бы опасался широкого размаха аграрной революции в России, «как бы чего не вышло», как бы крестьянская «Азия» не остановила развитие буржуазной «Европы»²⁰⁶. Правда от этого тезиса Г. В. Плеханов позднее отказался²⁰⁷.

Жаркие споры по аграрной программе разгорелись на IV съезде РСДРП в Стокгольме, куда Г. В. Плеханов прибыл в начале апреля 1906 г. Он выступал по аграрному вопросу, высказался по отношению к Государственной думе, к вооруженному восстанию.

При обсуждении нового проекта аграрной программы участники съезда согласились с требованием крестьян о конфискации помещичьих земель, но разошлись в вопросе о том, кто будет ее хозяином. Большевики, связывая решение аграрного вопроса с делом победы над самодержавием, предлагали землю национализировать. Меньшевики стояли за так называемую «муниципализацию», т. е. за повторный после реформы 1861 г. выкуп крестьянами земли у органов местного самоуправления — «муниципалитетов». Это очень напоминало кадетскую программу. Среди делегатов съезда были еще «разделисты», считавшие возможным конфискованную землю передать в руки крестьян на правах собственности.

Победу по аграрному вопросу на съезде в основном одержали меньшевики, так как имели наибольшее число своих представителей. Принципиального, революционно-го решения аграрного вопроса достичь не удалось. В принятой программе было записано все: о национализации, муниципализации и о разделе земель. В итоге, как острили на съезде, получилась «кастрированная программа». «Программа получилась в конце концов не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами»²⁰⁸.

На IV съезде РСДРП Г. В. Плеханов не избрали в ЦК, ни в состав редакции ЦО — газеты «Социал-демократ», так как он участвовал в работе съезда как приглашенный. Его лишь делегировали представителем российской социал-демократии в Международное социалистическое бюро.

В Женеву Г. В. Плеханов возвратился в июне 1906 г. предварительно побывав в Берлине, Гамбурге, Цюрихе и Базеле. Выступая перед немецкими и другими социал-демократами, он прокомментировал работу прошедшего партийного форума с меньшевистских позиций.

После непродолжительного отдыха в Женеве Г. В. Плеханов поселился в местечке Марне у Женевского озера, где снова занялся литературной работой.

В конце первой российской революции чрезвычайно активизируются выразители интересов либеральной буржуазии — конституционные демократы. Уже в 1905 г. эта буржуазная партия, пожалуй, была наиболее левой, по сравнению с аналогичными буржуазными партиями Западной Европы. Но кадеты выступали, как было отмечено выше, за использование одних лишь парламентских средств борьбы с царизмом.

Лидер кадетов — П. Н. Милюков считал, что в январе 1906 г. их «профессорская партия», объединявшая «профессиональных служащих в земских учреждениях, — врачей, агрономов, учителей»²⁰⁹, насчитывала до ста тысяч зарегистрированных членов, по другим данным, — до пятидесяти тысяч членов.

Парадоксально, но виднейший авторитет российской социал-демократии Г. В. Плеханов в годы первой русской революции решительно повернул в сторону этой буржуазной партии, стал призывать РСДРП к союзу рабочих с либеральной буржуазией. Он надеялся «приручить» кадетов в ходе революции. Тяга Г. В. Плеханова к кадетам усилилась после опубликования царского «Манифеста 17 октября 1905 г.» и поражения декабрьского вооруженного восстания. Меньшевики-плехановцы пошли на более тесные контакты с кадетами по вопросам парламентаризма. Недаром П. Н. Милюков отмечал, что меньшевики «шли параллельно с нашими собственными, — а мне, в эти самые месяцы, случалось хвалить Плеханова за его статьи в «Дневнике социал-демократа»²¹⁰. Но ведь давно известно, что если бур-

жуазия хвалит, следует задуматься — какое преступление совершено перед рабочим классом (А. Бебель).

И тем не менее, Г. В. Плеханов мечтал «...направить русскую революцию по восходящей линии», т. е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам»²¹¹.

Практическим проявлением этой позиции меньшевиков и Г. В. Плеханова явилось «чаепитие» меньшевистских лидеров Дана, Абрамовича, Церетели, Джапаридзе и других с Милюковым в ноябре 1906 г.²¹² и сотрудничество Г. В. Плеханова в кадетской газете «Товарищ» (1906—1907 гг.), в которой он опубликовал свыше десяти статей, где неустанно ориентировал российских социал-демократов на блок с кадетами. Не случайно М. Горький заметил: «Плеханов вошел в историю под ручку с Милюковым»²¹³.

Было время, когда блестящий марксист Г. В. Плеханов отлучил от революционных социал-демократов Прокоповича и Кускову за их попытки буржуазного развращения передовых рабочих. «Теперь Плеханов принял тактику знаменитого прокоповичевского и кусковского «Средо», — с горечью писал В. И. Ленин в статье «О блоках с кадетами» в конце ноября 1906 г.²¹⁴. Политическая реанимация махровых оппортунистов со стороны Г. В. Плеханова свидетельствовала о том, что он способствовал дальнейшему расколу в РСДРП.

Сотрудничество Г. В. Плеханова с кадетами с восторгом встретил бывший «легальный марксист» П. Б. Струве. В газете «Товарищ» 28 декабря 1906 г. он писал: «Г. В. Плеханова многие считают кадетом и, действительно много из того, что говорит теперь Плеханов, кадеты могут приветствовать. Жаль только, что он этого не сделал, когда к-д были в одиночестве...» «Благодарим за комплимент, неловкий г. Струве!» — комментировал это заявление Струве В. И. Ленин²¹⁵.

Разный подход социал-демократов России к характеру, особенностям и движущим силам первой русской революции объективно диктовал необходимость определения принципиальной позиции по отношению к политическим партиям.

«Так вышло и так должно было выйти именно потому, что действительным источником почти всех и безусловно всех существенных разногласий, всех расхождений по вопросам практической политики пролетариата в

русской революции была различная оценка нашего отношения к непролетарским партиям», — говорил В. И. Ленин на V съезде РСДРП, состоявшемся на закате первой российской революции, в Лондоне (май 1907 г.)²¹⁶.

Г. В. Плеханов принял участие в работе съезда как делегат от Тифлисской с.-д. организации. Он открывал съезд, выступил по отчету думской фракции, высказал свое отношение к буржуазным партиям, так называемому «рабочему съезду».

Во вступительной речи на V съезде РСДРП Г. В. Плеханов отметил наличие больших разногласий между большевиками и меньшевиками по тактическим вопросам и заявил: «...Но мы все-таки должны сделать попытку столкнуться»²¹⁷.

И все же на съезде он часто поддерживал меньшевиков. При обсуждении вопроса об отношении к буржуазным партиям Г. В. Плеханов продолжал защищать блок меньшевиков с кадетами вроде бы в интересах революции. «Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии. Это совсем не верно, — заявлял Г. В. Плеханов. — Мы делаем буржуазию орудием пролетариата»²¹⁸. Съезд принял резолюцию «Об отношении к непролетарским партиям», в которой разоблачалась организация черносотенцев, тесно связанные с царизмом; отмечалась необходимость беспощадной борьбы с.-демократии с партиями крупной финансовой и промышленной буржуазии («Союз 17 октября», «Торгово-промышленная партия»). Съезд предложил с.-д. партии разоблачать конституционные иллюзии, исходящие от кадетов, проводников взглядов либеральной буржуазии; вскрывать псевдо-социалистический характер взглядов народнических или трудовых партий. Следует при этом вырывать членов этих партий из-под влияния либералов и даже идти на временные соглашения с этими партиями «в борьбе за доведение демократической революции до конца»²¹⁹.

Резолюцию V съезда РСДРП об отношении к буржуазным партиям Г. В. Плеханов расценил «как несвоевременную и потому несостоятельную»²²⁰.

На съезде обсуждался вопрос о так называемом «Рабочем съезде», идею которого в сентябре 1906 г. выдвинул П. Б. Аксельрод. Г. В. Плеханов поддержал это предложение, заявив, что население Российской импе-

рии зашевелилось, «все пришло в движение. Собираются на съезды дворяне, собирается торгово-промышленная буржуазия. Почему же не собраться пролетариату?»²²¹.

Однако V съезд РСДРП отклонил идею «Рабочего съезда», ибо она, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата²²².

Делегаты съезда не поддерживали меньшевиков и Г. В. Плеханова, ратовавших за идею «нейтральности» профсоюзов. «Нейтральность, понимаемая в моем смысле, — писал позднее он, — сводится к отсутствию организационного подчинения профессиональных союзов социал-демократической партии»²²³. С точки зрения общей теории марксизма эта идея неувязима. А. Бебель, например, также стоял за нейтральность профсоюзов. В. И. Ленин в книге «Что делать?» также высказывался за нейтральность профсоюзов. И тем не менее V съезд партии отказался от теории «нейтральности» профсоюзов, ибо она ведет в конечном счете к притуплению классовой сознательности рабочих России. Социал-демократы должны работать в этих союзах, оказывать на них свое идейное влияние, поддерживать с ними организационные связи. В условиях драконовского самодержавия, отсутствия демократических свобод, нельзя было профессиональные союзы отдавать на откуп черносотенной и буржуазной идеологии.

Остро обсуждался вопрос об отношении к Государственной Думе. Парламентский кретинизм давил на меньшевиков, которые считали, что Дума может сделать все, чего она захочет. Г. В. Плеханов и меньшевистские вожаки наивно полагали, что в России должна быть «полновластная Дума» и что в условиях царизма Думу никто не разгонит. На самом деле никаких гарантий на этот счет не было. Как известно, V съезд РСДРП закончил свою работу 1 июня 1907 г., а через несколько дней, 3 июня 1907 г., по распоряжению премьер-министра П. А. Столыпина с волеизъявления Николая II Государственная Дума была распущена.

В резолюции «О Государственной Думе» съезд отметил, что с.-д. партия должна разъяснять народу полную непригодность Думы, «как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства»²²⁴.

На V съезде РСДРП меньшевики-плехановцы потерпели поражение, но Г. В. Плеханов упорствовал и считал многие решения съезда ошибочными. После обсуждения отчета думской социал-демократической фракции и принятия соответствующего решения по этому вопросу он заявил: «Как люди дисциплины, мы, конечно, преклоняемся перед постановлением съезда. Но этим постановлением съезд нимало не убедит нас в своей правоте. Мы будем продолжать считать это его постановление крупнейшей ошибкой»²²⁵.

Представителем РСДРП в Международное социалистическое бюро (МСБ) съезд избрал В. И. Ленина, но пленум ЦК с.-д. партии в МСБ предложил еще и Г. В. Плеханова, который «ответил отказом, говоря, что для работы достаточно одного»²²⁶.

Георгий Валентинович встречался на этом съезде с М. Горьким. Пролетарский писатель довольно сухо вато вспоминал об этом событии. «Он мне сказал весьма обычную фразу: «Я поклонник вашего таланта»... И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желание поговорить «по душам»²²⁷. По-другому отзывался об этой встрече Г. В. Плеханов. «Вчера состоялось открытие съезда. Я открыл его. Говорят, на хорах присутствовал Горький, но я его не видел, иначе я сказал бы ему несколько приветственных слов...» Через два дня он писал жене: «Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним проговорил довольно долго. Он очень интересный человек»²²⁸.

Размышляя о личности Плеханова, А. М. Горький позднее писал: «Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но — не симпатию. Слишком много было в нем «аристократизма»²²⁹.

Причины поражения первой российской буржуазно-демократической революции давно хорошо известны. Исследователи и публицисты этого периода до недавнего прошлого более всего подчеркивали то, что серьезнейшие разногласия между большевиками и меньшевиками способствовали поражению революции. Да, это было так. Была острейшая полемика, разная оценка характера, особенностей и движущих сил революции. По-разному отнеслись сторонники Плеханова и Ленина к политическим силам, действовавшим в годы первой русской революции, предлагали альтернативный подход к

решению проблем этой «генеральной репетиции». Но не следует забывать и другое. В годы первой революции, если внимательно посмотреть, было и сотрудничество между большевиками и меньшевиками. Достаточно вспомнить о их всеобщем натиске на царское самодержавие, о их вере в революционные возможности российского народа. Наконец, имели место попытки сотрудничества между большевиками и меньшевиками во время работы IV и V съездов российской социал-демократической партии. В подтверждение этой мысли можно лишь согласиться с высказыванием Л. Г. Дейча, соратника Г. В. Плеханова, который заметил, что «хотя мы оказались в разных фракциях, не прекращались наши товарищеские отношения...»²³⁰.

Первая революция в России сильнее всего воздействовала на весь мировой освободительный процесс. Замалчивать или полностью принижать при этом роль Г. В. Плеханова, на наш взгляд, было бы ошибочно, ибо он в оценке развернувшейся революции исходил из существующих закономерностей в России, и более всего из «идейных и нравственных устремлений людей своей эпохи», из идей II Интернационала, опыта с.-д. партий западно-европейских стран²³¹.

VII. КОЛЕБАНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

В ПЕРВЫХ числах июня 1907 г. по распоряжению царя Николая II была разогнана II Государственная Дума и арестованы депутаты от социал-демократической фракции. Монарх не посчитался с их депутатским иммунитетом. В России начался жесточайший террор, продолжавшийся до 1911 г. Вместе с тем царизм убедился в том, что впредь трудно, почти невозможно, опираться в политической деятельности на одних помещиков и монархические партии. Царь и его правительство пошли на расширение своей опоры, с одной стороны, на черносотенцев, помещиков и крупную торгово-промышленную буржуазию, с другой стороны, на тех же дворян-помещиков и либеральную буржуазию. В деревне царизм ищет опору в «крепких и сильных» — в сельской нарождающейся буржуазии. «Сначала успокое-